
ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.163.1

Е.Н. Бекасова

Старославянский язык: мифы и реальность

Наиболее мифологизированные лингвистические понятия относятся к представлениям о старославянском языке и древнейшим славянским азбукам. Ряд спорных и нерешенных проблем, помноженных на фрагментарность современного образования и насыщенность интернет-ресурсов псевдонаучными данными, способствует распространению и утверждению в российском обществе сведений, компрометирующих не только науку, но и духовные и просветительские основы славянского мира, что обуславливает необходимость тщательной проработки определения и содержания древнейшего литературно-письменного языка славян.

Ключевые слова: старославянский язык, глаголица, кириллица, кирилло-мефодиевские традиции, деятельность Кирилла и Мефодия, литературный язык.

Современная эпоха в силу основных тенденций так называемой модернизации системы образования в условиях глобализации, цифровизации и всеобъемлемости средств массовой информации весьма склонна к мифотворчеству, отошедшему от своей роли первичного орудия познания человеком окружающего мира и переместившемуся на новую почву – науку. Специалисты отмечают ремифологизацию как значащую, а в ряде случаев определяющую часть жизни общества. В трансформации мифа усиливается его поведенческая составляющая, обусловленная идеологическими и политическими параметрами, борьбой «прогрессивного» и «регрессивного», частных и общественных интересов, конфликтами «старого» и «нового», «своего» и «чужого» и под., чего отнюдь не лишены современные наука и образование, ведомые «европей-

скими ценностями», процессами оптимизации, модернизации, интенсификации, а главное коммерциализации и реформирования всего и всех. Лакуны научного познания, творческой интерпретации и взвешенной популяризации незамедлительно заполняются мифами как результатом фрагментарности знаний, невежественной категоричности, сопричастности к так называемым «научным» школам или личной заинтересованности в эпатажности и идеологической конъюнктурности.

Особенно это сказывается на тех явлениях, которые в той или иной степени касаются практически каждого или вызывают интерес у многих. В этой связи язык, как одна из самых востребованных составляющих научного познания, активно обрастающая мифами, в том числе и на уровне защит диссертаций на соискание различных степеней, научных статей и под. (см., например: [6; 10]). При этом «мутируют» в мифы те разделы лингвистики, которые «на выходе» могут быть каким-то образом связаны с идеологией и политикой. Безусловно, самой «проблемной» зоной в этом плане оказывается русский литературный язык, или – для совсем уж невежественных людей – весь русский язык [5]. Такой подход к языку позволяет с легкостью перечеркнуть не только наличие языка культуры, науки и образования, но поставить под сомнение всю историю народа – и соответственно весь народ. В качестве наиболее наглядных доказательств такого положения можно привести неимоверно длительный период «присвоения» русскому языку статуса государственного, многочисленные противоречия в законе о государственном языке Российской Федерации, его откровенное неприятие и даже смелое попрание на территории России и безудержное унижение на территории ряда стран, например, входивших в СССР.

Языковые проблемы только на первый взгляд кажутся легковесными и призрачными, однако, как показывают реалии XX в., именно они свидетельствовали о распаде колониальных систем, порождая в свою очередь практические неразрешимые коллизии государственного обустройства. Более того, язык не только не

теряет, но и с возможностями стремительной передачи информации упрочивает свои позиции мощнейшего инструмента влияния на сознания людей, причем в глобальных масштабах. Статус русского языка сыграл свою роль во всех «революциях» на Украине, а полная и повсеместная «украинизация» – один из важнейших рычагов эффективного переустройства государственной системы с разворотом с точностью наоборот. В настоящее время аналогичные процессы отталкивания русского языка наблюдаются в Белоруссии в неистребимом желании протестных сил «прорваться» в «европейское благоденствие».

Исторически сложилось так, что русский язык в развитии его литературного компонента был теснейшим образом связан с древнейшим литературно-письменным языком славян, отразившемся в структуре и системе русского литературного языка своеобразным сочетанием и взаимодействием исконных (восточнославянских) и старославянских (южнославянских по происхождению) языковых явлений. Вследствие этого проблемы древнейшего литературно-письменного языка славян в той или иной степени проецируются на русский язык. Некая притягательность языка, для которого чаще всего используется традиционное название старославянский язык (о других названиях см. [7; 8, с. 8–9]), заключается в том, что обывателями он чаще всего осмысливается как старый славянский язык, к которому без сомнений относят всю оригинальную древнерусскую литературу и то, что графически оформляется старой (до реформы 1918 г.) кириллицей. Печально, что такое невежество распространено в образовательной системе. В частности, среди учителей русского языка и литературы устойчиво мнение, что «Слово о полку Игореве» написано на старославянском языке, таким образом древнерусская литература с их легкой руки лишается мирового шедевра. Судя по многолетнему анкетированию, большинство первокурсников филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета в школе не слышали или не помнят о Кирилле и Мефодии; не могут назвать наиболее значи-

мые даты их подвижнической деятельности; не знают, в чем заслуга братьев перед славянами и другими народами, и практически не соотносят древнейшие славянские алфавитные системы с именами Учителей славянского народа. Как правило, школьники и студенты, участвующие в олимпиадах и конкурсах, показывают поверхностные знания о деятельности Кирилла и Мефодия, доходит до своеобразных «открытий» типа того, что Кирилл «изобрел» латиницу и т.п.

Ряд сайтов, включая образовательные, нередко содержат искаженные сведения о Просветителях славянского народа, что позволяет судить о своеобразном «учебном» мифотворчестве, идущем вразрез с научными знаниями. С одной стороны, активно разрушается историко-культурный фон эпохи, в результате чего Кирилл Философ представляется то преподавателем философии, которую он знал лучше университетских профессоров, то просто библиотекарем. Более того, на уроке для подготовительной группы детского сада в былинном стиле повествуется о «святой Руси, о далеких временах, вам неведомых», когда жили 7 братьев и «явились два просветителя, мудрые братья»: старший управлял княжеством, младший «мечтал писать» книги и придумал славянские буквы – «и долгое время на Рус была одна книга Евангелие, по которой учились дети», «на Руси стали строить храмы, а Кирилл ходил и освещал их». Адаптация к детскому восприятию сведений, которыми не вполне владеет автор урока, оборачивается вульгаризацией исторических реалий и необходимостью в дальнейшем выправления историко-географической «кривизны». Безусловно, сложнейшие проблемы изучения многовековых Кирилло-Мефодиевской традиций, их философское, историческое, культурное и филологическое преломление в современной науке трудно изложить в популярной форме, особенно с учетом более чем тысячелетнего разрыва, однако нельзя допускать вульгаризации и мифологизации того, что является достижением и достоянием славянских народов.

В большей степени мифотворчество касается феномена древнейших славянских азбук: по версии интернет-«информации» для учителей и школьников, Кирилл создал (придумал / сочинил) кириллицу и называл ее в честь себя; братья придумали глаголицу для западных славян, а кириллицу – специально для Киевской Руси; глаголица на Руси использовалась для «передачи церковнославянских текстов», в бытовой письменности использовалась кириллица и под. И это только часть доступных всем интернет-ресурсов, где находится, как совершенно точно в свое время определил А.А. Зализняк, «гора абсурдов, дилетантской чепухи и фантазматических вымыслов», игнорирующих «профессиональную науку и здравый смысл» [16, с. 131].

Безусловно, истоки такого невежества, перетекающего в псевдонаучные мифы, коренятся, с одной стороны, в привычной особенностях российского государства – упорном небрежении собственной историей и старательном забвении славных имен; с другой стороны, мы имеем дело с типичным проявлением «дикости, подлости и невежества», которые «не уважают прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим» [25, с. 215].

Однако и сам феномен старославянского языка, и сложность всей проблематики кирилло-мефодиевского наследия, связующие в единое целое историю, культуру, филологию, определяют необходимость тщательной проработки материала, особенно в процессе его школьного и вузовского преподавания, тем более, что славянская и, в частности, русская ментальность произрастала и прирастала традициями «почитания книжного», идущего от Кирилла и Мефодия [3; 9].

Необходимо подчеркнуть, что практически все дискуссионные и нерешенные языковые вопросы, в той или иной степени связанные с проблематикой древнейшего литературно-письменного языка, неуклонно упираются в краеугольный камень любого научного познания – понятийный аппарат. Однако в этом плане за общепотребительными названиями старославянский, церковнославянский

и русский языки стоит не только сложная и нередко противоречивая лингвистическая традиция, но и весьма условная терминология. Для целей настоящей статьи, ограниченной рамками рассмотрения сути старославянского языка, необходимо разобраться с разнообразием терминологических номинаций и спецификой феномена древнейшего литературно-письменного языка славян (см., например: [15; 21]).

Такой подход требует прежде всего определения форм существования языка, особенностей его функциональной, а затем и функционально-социальной парадигмы. Стратификация (от лат. *stratum* и *facio* – ‘расслаивание’) языка и соотношение его компонентов, или уровней, страт (от лат. *stratum* – ‘слой, пласт’), во многом обусловлены определенными историко-культурными факторами и особенностями языковых ситуаций различных эпох. Например, в родоплеменных обществах сферы общения слабо дифференцированы и языковые ситуации характеризуются гомогенностью (однородностью), в связи с чем язык племени представлен, как правило, диалектом, который, как и другие страты, с течением времени претерпевает изменения. В условиях социальной дифференциации общества и возникновения новых сфер общения языковая ситуация становится гетерогенной, потому что кроме диалекта, появляются новые – наддиалектные (стоящие над диалектами и сочетающие разнодиалектные признаки) – формы существования языка: язык устного народного поэтического творчества, язык религии, устное право, городское койне, просторечие и литературный язык [2; 30]. При этом следует отметить, что «наиболее значимая» [30, с. 307] разновидность наддиалектных образований – литературный язык – возникает на определенном этапе развития общества, когда появляется настоятельная потребность обслуживания «высших» сфер коммуникации, как правило, права и религии, и является стратой, характеризующейся определенным уровнем обработанности языка, что может достигаться в полной мере только при реализации языка в письменной форме. Более того, в Средние века определенные

условия возникновения литературного языка, наличие письменности и достаточно узкая сфера его использования обуславливают использование в качестве литературной страты чужого языка, например латыни в Западной Европе, старославянского языка среди славян, арабского языка в странах ислама и под.

Однако письменность, являющаяся важнейшим открытием эволюции человеческой цивилизации, становится не только насущной потребностью общества – чаще всего на уровне государственного устройства, – но и требует его достаточно высокого филологического развития [14; 20], вследствие чего возникновение письменно-литературных языков представляет собой уникальное явление, неразрывно связанное с многовековым усовершенствованием системы письма. Достаточно упомянуть, что алфавитные системы, базирующиеся на соотношении письменных знаков и фонем, впервые возникают приблизительно в XXVII в. до н.э., затем постепенно в II–I тысячелетии на основе финикийского алфавита складывается греческая алфавитная система, на основе которой почти тысячелетие спустя появляется латинский алфавит, ставший в период христианизации Европы базовым практически всех западноевропейских языков в связи с агрессивной политикой католичества, не допускающей для богослужебных книг иного письма, кроме латыни.

В той или иной степени под влиянием греческой алфавитной системы создаются древнейшие азбуки старославянского языка во второй половине IX в. – глаголица и кириллица. С одной стороны, первая славянская азбука возникла на византийской почве благодаря деятельности одного из выдающихся греческих умов – Константина Философа, который, по всей видимости, в 863 г. завершил поиски своих «споспешников» по созданию славянской письменности, начатые приблизительно с 820 г. С другой стороны, обе славянские азбуки, имея связь с греческим алфавитом, обладают очевидной близостью, которая требует определения последовательности их возникновения.

С первых шагов славянской филологии и отчасти до сих пор дискуссионным является вопрос о том, какая из двух славянских азбук принадлежит Константину Философу, поскольку между двумя азбуками существует определенная преемственность в начертании букв, обозначающих звуки, свойственные славянским языкам, вследствие чего бесспорным признается, что алфавитная система, созданная младшим братом, легла в основу другой азбуки (подробнее см.: [1; 11; 17; 18; 22; 23; 36; 37]). По мнению большинства исследователей (особенно после дискуссии 30-х годов XX в.), оригинальность глаголицы (все буквы имеют свое особое начертание, не имеющее аналогий с другими алфавитными системами; порядок букв соответствует обозначаемым ими цифрам и др.) и ее древность, подтверждаемая палимпсестами (памятниками, где по смытому древнему тексту, обычно глаголическому, писали кириллицей), свидетельствуют о первичности глаголической азбуки. Однако почти такие же причины выдвигаются сторонниками древности кириллицы, так как, по их мнению, глаголица возникла как тайнопись на основе созданной Первоучителем алфавитной системы. Этим они объясняют и оригинальность начертаний глаголических букв, и меньшую ее распространенность по сравнению с кириллицей. Показательны в этом плане трактовки начертания первой буквы глаголицы Азь, представляющей собой крест. Н.Н. Дурново усматривает в этом глубокий смысл, вкладываемый Константином в создаваемую им азбуку: ведь буквы созданы для перевода Святого Писания. Это четко укладывается в легенду о возникновении древнейшей славянской азбуки, изложенную в житиях Константина («и вскоре открыл ему буквы бог, что внимает молитвы рабов своих, и тогда сложил письмена и начал писать слова евангелия: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» [26, с. 87]) и Мефодия («И здесь явил бог Философу славянское письмо» [26, с. 97]). Сторонники первичности глаголицы в особенностях первой буквы глаголицы усматривают доказательства создания ее как определенного шифра: крест как бы благословляет азбуку и ограждает крест-

ною силою, что было необходимо в условиях гонения славянской письменности.

К косвенным доказательствам первичности глаголицы следует отнести и названия древнейших азбук. Для средневекового автора столь же естественно назвать свое создание не собственным именем, а глаголицей, от слова глагол – ‘слово, речь’ (вспомните Пушкинское «глаголом жечь сердца людей»), как и для его учеников назвать азбуку, составленную на основе алфавитной системы своего учителя, – кириллицей. При этом следует подчеркнуть, что древнейшую азбуку составил Константин Философ, который в Риме перед смертью принял постриг, «добавив к свету собственного имени свет имени своего святого патрона Кирилла (знаменитого греческого теолога первой половины V в.)» [26, с. 141]. Иными словами, кириллица могла получить свое название в честь младшего брата только после его смерти в 869 г. В настоящее время большинство исследователей склоняется к мнению, что автором кириллицы является кто-то из выдающихся учеников Кирилла и Мефодия: или Климент Охридский, или Константин Преславский [11].

Таким образом, кириллица возникла на основе глаголицы в конце IX в. на территории Первого Болгарского царства, куда ученики солунских братьев были вынуждены бежать из Моравии после смерти Мефодия (885 г.) [11, с. 82–86, 142–144].

Исторически сложилось так, что кириллица получила более широкое распространение, чем глаголица. В частности, глаголица у южных славян была в употреблении вплоть до XV в., а в Болгарии и Хорватии в богослужебных книгах использовалась до конца XVIII в. На Руси использовалась в основном кириллица, хотя имелись и, видимо, переписывались на начальном этапе глаголические рукописи. Древняя кириллица по-прежнему обслуживает тексты церковнославянского языка, на ее основе сложились современные болгарский, сербский, русский, украинский, белорусский алфавитные системы [4; 9; 7]. Русский «гражданский» алфавит послужил базой для большинства письменностей народов бывшего СССР,

а также для некоторых других языков (например, монгольского языка).

Появление древнейшей славянской азбуки было вызвано обращением князя Ростислава к византийскому императору Михаилу дать им учителя, который бы *«нас наставил и поучал нас и объяснил святыя книги»* [24, с. 15] (подробнее см.: [11; 12; 29; 37]). Просьба по тем временам была уникальна: князя одного из крупнейших и развитых на тот момент славянских государств не устраивали книги ни греческого, ни латинского письма – нужны были знания *«книжных букв и силы их»* и учителя, могущие истолковать *«книжные слова и разум их»* [24, с. 15]. С одной стороны, это требовало создание *«букв для языка»* – оригинальной алфавитной системы, соответствующей фонетической системе славянского языка, с другой – переводов Библии с греческого языка на понятный славянам язык. И то, и другое представляло собой сложнейшую лингвистическую проблему, которую братья-греки решили блестяще. Следует подчеркнуть, что Константин и Мефодий, безусловно, понимали что их *«несакционированными»* римской курией переводами могли последовать и типичные санкции за *«еретичество»*, вплоть до сожжения текстов Библии вместе с их авторами. Поэтому выполнить просьбу князя Ростислава, даже под патронажем византийского императора, было не только беспрецедентно гениальным и смелым, но и уникальным просвещенческим делом, которое в условиях агрессивной христианской политики Рима в определенной степени определило трагичность судьбы Просветителей славянства и их учеников, а также главного их достояния – старославянской письменности [9, с. 2–17; 11; 26; 36].

В *«Житии Мефодия»* откровенно пишется о *«множестве неких людей, что поносили славянские книги, говоря, что не подобает никакому народу иметь букв своих, кроме евреев, греков, и латинян, по надписи Пилата, которую (он) написал на кресте господнем»* [26, с. 97]. Старославянские переводы разрушали трехязычную доктрину, и это повлекло за собой обвинения Константина Фило-

софа и Мефодия в ереси. В «Житии Константина» описаны нападки латинских епископов – «как вороны на сокола» – и ответы Просветителя славян: *«Не идет ли дождь от бога равно на всех, не сияет ли для всех солнце, не равно ли все мы вдыхаем воздух? Как же вы не стыдитесь лишь три языка признавать, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими? Скажите мне, зачем делаете бога немощным, как если бы не мог дать (народам своего письма) или завистливым как если бы не хотел дать?»* [26, с. 89].

Отстаивание сакральности славянских переводов находим и в сказании «О письменах» Черноризца Храбра, созданного начале XI в., когда еще были живы ученики Кирилла и Мефодия: *«Другие же говорят: Зачем нужны славянские письмена? Ведь не создал их ни бог, ни апостолы и не существуют они искони, как еврейские и римские и греческие, что существуют изначально и угодны богу. А другие судят, что письмена сотворил (сам) бог. И сами не знают, что говорят, окаянные, будто бы бог повелел, чтобы [книги] были лишь на трех языках, как написано в Евангелии: и была написана надпись по-еврейски, по-римски и по-гречески, а по-славянски там не было (написано), а потому и славянские письмена не от Бога. Что поведем или что скажем таким безумцам?»* [26, с. 103]. Черноризец Храбр не только отстаивает равенство славянского письменного языка с прописанными трехязычной доктриной языками, но и доказывает более высокую степень святости славянских письмен, *«ибо создал их святой муж, а греческие – язычники эллины»* [26, с. 104].

Однако подобные аргументы, как всегда это происходит в столкновении с корыстными и властолюбивыми интересами, не принимались римской курией (подробнее см.: [36, с. 293–310]), и после буллы Стефана V в 885 г. рукописи Кирилла, Мефодия и их учеников подверглись планомерному уничтожению. Жестокая расправа ждала и учеников, которые могли спастись только на других славянских территориях. В конце XI в. произошла еще одна «чистка» «еретических» текстов – и последние сохранившиеся в монастырях

Чехии старославянские рукописи были сожжены по распоряжению римского папы в XIII в. Такая позиция римской курии вполне закономерна: так защищались ее права на руководство жизнью общества, в том числе и за счет отлучения народа не только от образования, но и простой грамотности. В этой связи трехязычная доктрина всеми доступными для Средневековья способами охраняла прежде всего имеющие значение высшего религиозного авторитета тексты Библии, на которых «фактически или формально основывались все нормы установленного церковью порядка» [26, с. 28].

Старославянская письменность разрушала основы неравенства языков и народов на «славословие Божие», а также позволяла «причтется к великим языцем» в правах на просвещение. Именно поэтому нельзя рассматривать деятельность солунских братьев как простое миссионерство, аналогичное христианизации других, лишенных письменности европейских народов, для которых смысл библейских книг был сокрыт чужим латинским языком¹. Именно поэтому, как подчеркивают исследователи, вся разносторонняя переводческая деятельность Кирилла и Мефодия была направлена на создание корпуса текстов, «охватывавших разные сферы общественной жизни и дававших славянскому читателю представление о многих нормах и проблемах нового для него христианского мира» [35, с. 20].

Для солунских братьев, опиравшихся на учение апостола Павла о равенстве народов, важным было приобщения славян к цивилизационным достижениям владеющих книжностью народов: «слепи

¹С середины IX–X в. известны латинско-немецким параллели текста Библии, целью которых было облегчение освоения латинского текста. В XII в. появился перевод Библии на старофранцузский язык, повлекший за собой введение во Франции инквизиции и запрещение иметь светским людям тексты Святого Писания не на латинском языке. В 1415 г. чешский проповедник и мыслитель Ян Гус был сожжен на костре, в том числе и за идею о необходимости чтения Библии на родном языке. Показательно, что для растопки костра использовался рукописный список перевода Библии на английский язык профессора Оксфорда Д. Вилклифа (1380 г.). Это отодвинуло появление переводов Библии на европейские языки на века. В частности, с 1522 по 1532 гг. Мартином Лютером был сделан полный перевод Библии на немецкий язык; в 1611 г. появился полный перевод Библии на английский язык, выполненный в течение 7 лет 47 переводчиками по поручению короля Якова I.

прозрят, глуши слышат слово буквеное» [24, с. 53]. Константин Философ понимал, что важнейшей составляющей просвещения в доступных для того времени смыслах была христианизация народа, о чем со всей определенностью свидетельствует его знаменитый «Проглас» – Послание славянам, цель которого *«чловек вся отлучить от жития скотска и похоти. Слышити ныне от своего ума, слышите словенск народ, слышати слово, от Бога прииде ... бес книг язык в гласе смыслене не глаголюште... Нази бо вси без книг языци»* [31, с. 30].

Деятельность основателей славянской письменности была направлена на утверждение родного языка в церковных книгах как надежного и важного средства утверждения нового человека, способного воспринять новые знания и сформировать свою особую ментальность вне отрыва с достижениями «великих языцех»: *«бес къниг языки (народы) невегласы²», «душа безбукъвъна являет ся въ чловецехъ мрътва»* [31, с. 31]. Двухсотпятидесятилетние научные исследования возникновения и достижений славянской письменности позволяют утвердиться в мысли о том, что основатели славянской письменности, бесспорно, понимали важность своей миссии – прежде всего просвещения славянского народа в тех формах, которые для того времени были наиболее продуктивными. При этом следует подчеркнуть, что славяне именно с этих позиций воспринимают Учителей славянского народа и их учеников, утверждающих и продолжающих традиции книжного просвещения славян, а не их поверхностного крещения.

«Особое историческое явление» славянской письменности в Европе раннего Средневековья [26, с. 15] было также обусловлено качеством переводов Библии. Следует обратить внимание на литературные достоинства переведенных памятников, представляющих все литературные жанры того времени: исторические хроники, гимнографию, древнюю религиозную поэзию, сложные прозаические произведения и др. Для них было харак-

² *Невеглас – невежа, неученый, несведущий* [27, с. 27].

терно богатство словарного состава и разнообразие средств художественного выражения, для которых были найдены соответствующие эквиваленты в славянском языке, в основном за счет калькирования и семантической транспозиции высокой духовной лексики и религиозной терминологии. В результате славянский язык обогащался, с одной стороны, новыми, но понятными словами и свойствами ему словообразовательными возможностями, а с другой – привычная лексика наполнялась переносными и возвышенными значениями, углублялась ее семантическая перспектива и расширялись стилистические возможности [34]. В славянских текстах Учителя славянского народа сумели произвести отбор фонетических и грамматических средств, обеспечивающих адекватную передачу соответствующих греческих литературных текстов. Были преодолены трудности в передаче свойств письменности синтаксических конструкций, особенно сложноподчиненных предложений. Как отмечает Б.Н. Ларин, «старославянская письменность обогатила фонд языковых синонимов – парных, тройных обозначений одних и тех же или близких понятий. Развитие синонимии, словарной и грамматической, синтаксиса, словообразования и словоизменения» благодаря старославянской письменности привело к быстрому переходу «от более или менее однородного, однотипного общего языка к языку весьма сложной структуры, располагающими стилями и стилистическими системами» [23, с. 109–110]. В результате кирилло-мефодиевские переводы не были слепком с готовых форм греческого языка – они ознаменовали появление высочайших образцов средневековой литературы нового, древнейшего литературно-письменного языка славян, сложившегося уже сразу в тех зрелых, развитых формах, которые вырабатывались в греческом тексте оригиналов как результат более чем тысячелетнего развития.

Старославянский язык укреплялся не только благодаря авторитетности, высокого качества и разнообразия переведенных богослужебных текстов, но и в результате учительства Кирилла и Мефодия, подготовивших себе такую достойную смену, что кирилло-мефодиев-

ские традиции чтут все славянские народы более тысячи лет. Ученики славянских Первоучителей не только переписывали уже переведенные произведения, готовили учеников, способных продолжать дело всей жизни славянских Просветителей, но и создавали новые тексты – жития Константина и Мефодия, «О письменах» и др., – в которых также прослеживается высокий уровень литературного мастерства и индивидуальная манера. Наиболее талантливых учеников – Климента Охридского, Наума, Константина Преславского, Горазда, Ангелария Болгарского – почитали не только как продолжателей традиций прославления славянской письменности, но и как ученых мужей, внесших свой вклад в становление и развитие книжности разных славянских народов. Их творения (не говоря уже о кириллице) бережно сохраняли наряду с произведениями славянских Первоучителей. В частности, все известные рукописи житий Константина и Мефодия с момента появления письменности на Руси переписывались русскими писцами и были обязательными в составе букварей, а следовательно, каждый, делавший первые шаги в почитании книжном, знал то, о чем с гордостью писал черноризец Храбр на грани IX–X вв.: *«Если же спросишь славянских книжников, кто вам создал письмена или книги перевел и в какое время, то все знают и, отвечая, говорят: святой Константин Философ, названный Кириллом, он письмена создал, и книги перевел, и Мефодий, брат его в лето 863»* [26, с. 104].

Именно ученики Первоучителей и ученики учеников поддерживали славянское просвещение и утверждали достоинство древнейшего литургического литературно-письменного языка, распространившегося на территории всего славянского мира – сначала западных, затем южных и, наконец, восточных славян. Усвоению и присвоению древнейшего литературно-письменного языка всеми славянами способствовало то, что в этот период, как верно определяет Н.С. Трубецкой, старославянский язык можно «рассматривать как литературный язык конца праславянской эпохи. Т.к. во время деятельности славянских первоучителей отдельные отпрыски прас-

славянского языка еще не утратили способности к совместным изменениям» [33, с. 127]. Это определяло международный статус старославянского языка вплоть до конца XI в., когда ветви славянских языков в силу живых языковых процессов начинают постепенно отдаляться друг от друга, а у западных славян в качестве литургического языка утверждается латынь.

Память о великой общности, усиленной священными текстами на понятном славянам языке, сохраняется и в непрерывно развивающейся кирилло-мефодиевской традиции у восточных и южных славян, и в почитании Просветителей и Учителей славянства у западных славян. По образному определению О.Н. Трубачева, «ослепительная культурная вспышка зарождения оригинального славянского письма» [32, с. 24] до сих пор символ аутентичности славян в меняющихся условиях государственных объединений, новых религиозных, экономических и идеологических условиях [3; 5; 9].

Итак, можно подвести итоги.

1. Древнейший литературно-письменный язык славян чаще всего традиционно называется старославянским, однако термин не отражает сути данного явления и требует раскрытия сущности его содержания.

2. Данный язык представляет собой переводы Библии с греческого языка. Для этого Константином Философом была составлена особая азбука, соответствующая фонетическому строю славянского языка. По мнению большинства исследователей, это глаголица, на основе которой была создана кириллица, названная в честь Учителя Константина Философа, принявшего перед своей смертью в 864 г. схиму под именем Кирилл.

3. Переводы были сделаны на основе солунского диалекта (южнославянского в своей основе), который знали братья, в детстве проживавшие в г. Солуни. Однако при переводе литературного текста высокого религиозно-философского и религиозно-нравственного содержания языковые элементы претерпевали определенный отбор

и обработку, особенно на уровне лексики и семантики, а также синтаксиса и морфологии по законам письменного языка.

4. Близость всех славянских диалектов во второй половине IX в. и наддиалектность старославянского языка определяли доступность письменного литературного языка сознанию всего славянства, вступавшего в государственные объединения и новую религию [19]. Древнейшему литературно-письменному языку славян был свойственен сложный, гибридный характер. В.В. Виноградов утверждает, что старославянский язык «был пестр по своему составу. В нем скрещивались и сливались разные народно-языковые стихии славянского мира», он развивался «как язык цивилизации и литературы, обогащенный греческими и латинскими элементами» [13, с. 17].

5. Переводы текстов Священного Писания позволяют отнести древнейший литературно-письменный язык славян к пророческим (пророческим, апостольским) языкам, то есть языкам, на котором записаны канонические религиозные тексты. Будучи языком конфессиональным (от латин. *confessionalis* – вероисповедный), старославянские тексты изначально воспринимались как сакральные (от латин. *sacrum* – священное, посвященное Богу), авторитетные и образцовые. Важно подчеркнуть, что переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников была направлена на сознательную замену греческого языка и латыни старославянским языком и утверждение его литургического достоинства.

6. Следовательно, славянский язык Священного писания являлся надэтническим и не имел точной географической локализации, что позволило ему закрепиться на разных славянских территориях.

7. Высокая культурно-религиозная ценность переводов Кирилла, Мефодия и их учеников определяла статус старославянского языка не только как языка Священного писания, но и как общеславянского достояния, входящего в ранг культурных международных языков Европы, т.е. языка классического.

8. Как сакральный классический язык древнейший литературно-письменный язык славян не мог обслуживать все сферы общественной жизни славян, а тем более не был средством общения (для этого существовали страты конкретных славянских ветвей – диалект и наддиалектные формы). Главная задача классического языка – сохранение корпуса культурно значимых текстов, что в соединении с сакральностью определяло их неизменность в образцовых формах и незначительную вариативность, которой препятствовали канонические достоинства текстов и кирилло-мефодиевская традиция почитания книжного.

9. Старославянский язык как древнейший литературно-письменный язык славянства имеет строго ограниченные временные рамки: вторая половина IX в. – переводы Кирилла, Мефодия и их учеников, которые принято называть классическим языком, и X–XI в. – период создания списков текстов классического старославянского языка.

10. Четкая временная приуроченность и характеристики старославянского языка как языка переводов определенного корпуса текстов Священного Писания, то есть языка профессионально, литературного и письменного, определяют невозможность его эволюции и другого функционирования, кроме указанного, ограниченного и закрытого корпуса профессиональных текстов. В настоящее время науке известно 18 рукописных источников, не считая отдельных надписей и фрагментов текстов. Среди них 12 глаголических и 6 кириллических памятников (подробнее см.: [28, с. 9–25]).

Таким образом, древнейший литературно-письменный язык славян, известный чаще всего по традиционному его названию как старославянский язык, является переводами Библии с греческого языка на славянский (южнославянский в своей основе), выполненными Кириллом, Мефодием и их учениками во второй половине IX в., и сохранившимися в списках X–XI вв.

Значимость данных текстов для культурно-исторического и языкового развития славян беспрецедентна, поэтому научное изу-

чение культурного, духовного и лингвистического развития любого славянского народа начинается с освоения и осмысления старославянского наследия. Тем более, что энергия старославянского языка поддерживалась его использованием как богослужебного в тех странах, которые сохранили православие. Особенно значимым это влияние было на Руси, что не только символически, но и визуально ощутимо отразилось в грандиозном монументе Тысячелетию государства Российского, где начальным камнем духовности и просвещения народа стала композиция «Крещение Руси» во главе спривзванными зачинателями нового периода развития всего славянства – фигурами святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Более чем тысячелетняя история почитания Учителей славянского народа подтверждает ту истину, которая навечно запечатлена в Прогласе Константина Философа:

Сеяи (сеющие) есть правы.

Яко семена падаюшта на ниве,

Тако на срьдьцихъ чловечьсцехъ,

Дъжда божии букъвъ требуюшта

Да въздратеть плодъ божии паче [31, с. 31].

Литература

1. Алексеев, А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России / А. А. Алексеев. – СПб. : Петербургское лингвистическое общество, 2013. – 476 с. – (Ars Philologica). – Текст : непосредственный.

2. Баранникова, Л. И. Общее и русское языкознание: избранные работы / Л. И. Баранникова. – М. : КомКнига, 2005. – 256 с. – Текст : непосредственный.

3. Бекасова, Е. Н. «Источник учительный»: значимость книжного знания в формировании человеческой цивилизации / Е. Н. Бекасова. – Текст : непосредственный // Филологический класс: науч.-метод. журнал. – 2016. – № 3 (45). 2016. – С. 7–11.

4. Бекасова, Е. Н. Азбука как ключ к познанию мира / Е. Н. Бекасова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. Научно-методический журнал. – 2017. – № 4 (50). – С. 44–49.

5. Бекасова, Е. Н. Проблемы истории русского литературного языка в контексте кирилло-мефодиевской традиции / Е. Н. Бекасова. – Текст : непосредственный // *Spisovné jazyky západných a východných Slovanov: v synchronii a diachronii otázky teorie* (Литературные языки западных и восточных славян в синхронии и диахронии: вопросы теории). – *Belianit*, 2019. – S. 39–45.

6. Бекасова, Е. Н. История русского литературного языка: время мутаций / Е. Н. Бекасова, Л. М. Устюгова. – Текст : непосредственный // Пятые Моисеевские чтения: историко-культурный и лингвистический ландшафт региона: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию Оренбургского гос. пед. ун-та, 275-летию Оренбургской губернии и 285-летию образования Оренбургской комиссии. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 3–4 окт. 2019 г. / сост. и науч. ред. П. А. Якимов. – Оренбург : Изд-во «Оренбургская книга», 2019. – С. 15–24.

7. Бекасова, Е. Н. Вопросы образования и развития русского литературного языка. Синоптическая часть к курсу «История русского литературного языка»: учеб. пособие / Е. Н. Бекасова. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2006. – 228 с. – Текст : непосредственный.

8. Бекасова, Е. Н. Руководство по изучению старославянского языка : учеб. пособие / Е. Н. Бекасова. – 3-е изд. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2005. – 123 с. – Текст : непосредственный.

9. Бекасова, Е. Н. Азбука как экспликация ментальности / Е. Н. Бекасова, Л. М. Устюгова. – Текст : непосредственный // *Культура в фокусе научных парадигм.* – 2017. – № 5. – С. 144–148.

10. Березович, Е. Л. Псевдонаучные построения в современной лингвокультурологии / Е. Л. Березович. – Текст : непосредственный // Четвертые Моисеевские чтения: национальные и региональ-

ные особенности языка: в 2 ч. : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 22–24 нояб. 2018 г. / сост. и науч. ред. П. А. Якимов. – Ч. 1. – Оренбург : ООО «Изд-во “Оренбургская книга”», 2018. – С. 132–138.

11. Бернштейн, С.Б. Константин-Философ и Мефодий / С.Б. Бернштейн. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. – 167 с.

12. Верещагин, Е. М. Вхождение славянства в христианскую культуру: деятельность первоучителей Кирилла и Мефодия / Е. М. Верещагин – Текст : непосредственный // История культур славянских народов: в 3 т. – Т. 1. – М. : ГАСК, 2003. – С. 59–90.

13. Виноградов, В. В. Основные этапы истории русского литературного языка. – Текст : непосредственный // Избранные труды. История русского литературного языка. Статья первая / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1978. – С. 10–35.

14. Гельб, И. Д. История письменности. От рисуночного письма к полноценному алфавиту / И. Д. Гельб / пер. с англ. Т. М. Шуликовой. – М. : ЗАО «Центрполиграф», 2017. – 288 с. – Серия «Занимательная наука». – Текст : непосредственный.

15. Горшков, А. И. Отечественные филологи о старославянском и древнерусском литературном языке / А. И. Горшков. – Текст : непосредственный // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. – М. : Наука, 1987. – С. 7–30.

16. Зализняк, А. А. Из заметок о любительской лингвистике / А. А. Зализняк. – М. : Русский Миръ, 2009. – 240 с. – (Серия «Литературная премия Александра Солженицына»). – Текст : непосредственный.

17. Иванова, Т. А. Глаголица: новые гипотезы (несколько критических замечаний по поводу новых исследований о первой славянской азбуке) / Т. А. Иванова. – Текст : непосредственный // ТОДРЛ, 2004. – Т. LVI. – С. 78–93.

18. Изотов, А. И. Старославянский и церковные языки / А. И. Изотов. – М. : Филомайтис, 2007. – 232 с. – Текст : непосредственный.

19. Изотов, А. И. Старославянский язык в сравнительно-историческом освещении : учеб. пособие / А. И. Изотов. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2010. – 200 с. – Текст : непосредственный.

20. Истрин, В. И. Развитие письма / В. И. Истрин. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 396 с.: ил. – Текст : непосредственный.

21. Кайперт, Г. Церковнославянский язык: круг понятий / Г. Кайперт – Текст : непосредственный // Словѣне. – 2017. – № 1. – С. 8–75.

22. Карпенко, Л. Б. Священная азбука Кирилла / Л. Б. Карпенко. – 2-е изд., исправ. – Самара : ООО «Офорт», 2006. – 228 с. – Текст : непосредственный.

23. Ларин, Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X-середина XVIII в.) / Б. А. Ларин. – 2-е изд. – СПб. : Высшая школа, 2005. – 327 с. – Текст : непосредственный.

24. Повесть временных лет / [Рос. акад. наук]; подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Наука, 1996. – 667 с. – (Литературные памятники). – Текст : непосредственный.

25. Пушкин, А. С. Собрание сочинений в пяти томах / А. С. Пушкин. – Т. V. Автобиографическая проза. Отрывки. Афоризмы. Критика. Публицистика. Исторические сочинения. – Санкт-Петербург: Библиополис, 1994. – 802 с. – Текст : непосредственный.

26. Сказание о начале славянской письменности. – М. : Наука, 1981. – 199 с. – Текст : непосредственный.

27. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 11. – М. : Наука, 1986. – 456 с. – Текст : непосредственный.

28. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): Около 10000 сл. / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М. : Рус.яз., 1994. – 842 с. – Текст : непосредственный.

29. Тахиаос, Антоний-Эмилиий Н. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян / Антоний-Эмилиий Н. Тахиаос. – Сергиев Посад, 2005. – 391 с. – Текст : непосредственный.

30. Типы наддиалектных форм языка. – М. : Наука, 1981. – 310 с. – Текст : непосредственный.

31. Топоров, В. Н. «Проглас» Константин Философ как образец старославянской поэзии / В. Н. Топоров. – Текст : непосредственный // Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. – М. : Наука, 1979. – С. 26–46.

32. Трубачев, О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси / О. Н. Трубачев. – 3-е изд., доп. – М. : Наука, 2005. – 286 с. – Текст : непосредственный.

33. Трубецкой, Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре / Н. С. Трубецкой. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. 1990. – № 2. – С. 122–139.

34. Трубецкой, Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре / Н. С. Трубецкой. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 114–134.

35. Флоря, Б. Н. Славянская письменность в Европе раннего Средневековья / Б. Н. Флоря. – Текст : непосредственный // Славянский альманах. – 2014. – С. 14–24.

36. Флоря, Б. Н. Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия / Б. Н. Флоря, А. А. Турилов, С. А. Иванов. – СПб. : Алтейя, 2000. – 314 с. – Текст : непосредственный.

37. Хабургаев, Г. А. Первые столетия славянской письменности и культуры: Истоки древнерусской книжности / Г. А. Хабургаев. – М. : МГУ, 1994. – 181 с. – Текст : непосредственный.

Bekasova E. N.

Old Church Slavonic: myths and reality

The most mythologized linguistic concepts relate to the concepts of the old Slavonic language and the oldest Slavic alphabets. A number

of controversial and unsolved problems, multiplied by the fragmentary nature of modern education and the saturation of Internet resources with pseudoscientific data, contribute to the dissemination and approval in Russian society of information that compromises not only science, but also the spiritual and educational foundations of the Slavic world, which necessitates careful study of the definition and content of the oldest literary and written language of the Slavs.

Key words: old Slavonic, Glagolitic, Cyrillic, Cyrillic-Methodian traditions, activity of Cyril and Methodius, literary language.

References:

1. Alekseev, A. A. *Ocherki i etiudy po istorii literaturnogo iazyka v Rossii [Essays and etudes on the history of the literary language in Russia]*. SPb., 2013. – 476 p.

2. Barannikova, L. I. *Obshchee i russkoe iazykoznanie: izbrannye raboty [General and Russian linguistics: selected works]*. – Moscow, 2005. – 256 p.

3. Bekasova, E. N. «Istochnik uchitel'nyi»: znachimost' knizhnogo znaniia v formirovanii chelovecheskoi tsivilizatsii [«The source of teaching»: the significance of book knowledge in the formation of human civilization] // *Filologicheskii klass: nauch.-metod. zhurnal [Philological class: Scientific and methodological journal]*. – 2016. – No. 3 (45). 2016, pp. 7–11.

4. Bekasova, E. N. *Azbuka kak kliuch k poznaniiu mira [ABC as the key to understanding the world]* // *Filologicheskii klass. Nauchno-metodicheskii zhurnal [Philological class: Scientific and methodological journal]*. – 2017. – No. 4 (50), pp. 44–49.

5. Bekasova, E. N. *Problemy istorii russkogo literaturnogo iazyka v kontekste kirillo-mefodievskei traditsii [Problems of the history of the Russian literary language in the context of the Cyril and Methodius tradition]* // *Spisovné jazyky západných a východných Slovanov: v synchrónii a diachrónii otázky teorio (Literaturnye iazyki zapadnykh*

i vostochnykh slavian v sinkhronii i diakhronii: voprosy teorii) [Literary languages of Western and Eastern Slavs in synchrony and diachrony: questions of theory]. *Belianum*, 2019, pp. 39–45.

6. Bekasova, E. N. Ustiugova L. M. *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka: vremia mutatsii* [History of the Russian literary language: time of mutations] // *Piatye Moiseevskie chteniia: istoriko-kul'turnyi i lingvisticheskii landshaft regiona: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posviashchennoi 100-letiiu Orenburgskogo gos. ped. un-ta, 275-letiiu Orenburgskoi gubernii i 285-letiiu obrazovaniia Orenburgskoi komissii. Orenburg, Orenburgskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 3–4 okt. 2019 g.* [The fifth Moiseyev readings: historical, cultural and linguistic landscape of the region: materials of the Intern. scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the Orenburg state pedagogical University, the 275th anniversary of the Orenburg province and the 285th anniversary of the Orenburg Commission. Orenburg, Orenburg state pedagogical University, October 3–4, 2019]. Orenburg, 2019, pp. 15–24.

7. Bekasova, E. N. *Voprosy obrazovaniia i razvitiia russkogo literaturnogo iazyka. Sinopticheskaia chast' k kursu «Istoriia russkogo literaturnogo iazyka»: ucheb. posobie* [Questions of education and development of the Russian literary language. SYNOPSIS part of the course «History of the Russian literary language»: textbook]. Orenburg, 2006. – 228 p.

8. Bekasova, E. N. *Rukovodstvo po izucheniiu staroslavianskogo iazyka : ucheb. posobie* [Guide to the study of the old Slavonic language: textbook]. Orenburg, 2005. – 123 p.

9. Bekasova, E. N. Ustiugova L. M. *Azbuka kak eksplikatsiia mental'nosti* [ABC as explication of mentality] // *Kul'tura v fokuse nauchnykh paradigm* [Culture in the focus of scientific paradigms]. 2017, No. 5, pp. 144–148.

10. Berezovich, E. L. *Pseudonauchnye postroeniia v sovremennoi linguokulturologii* [Pseudoscientific constructions in modern linguoculturology] // *Chetvertye Moiseevskie chteniia: natsional'nye*

iregional'nye osobennosti iazyka: v 2 ch. : materialy Vseros. (smezhdunar. uchastiem) nauch. konf. Orenburg, Orenburgskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 22–24 noiab. 2018 g. [Fourth Moses readings: national and regional features of the language: in 2 hours: materials of Russian scientific Conference. Orenburg, Orenburg state pedagogical University, November 22–24, 2018]. – Part 1. Orenburg, 2018, pp. 132–138.

11. Bernshtein, S.B. *Konstantin-Filosof i Mefodii [Constantine the Philosopher and Methodius]*. Moscow, 1984. – 167 p.

12. Vereshchagin, E. M. *Vkhozhdenie slavianstva v khristianskuiu kul'turu: deiatel'nost' pervouchitelei Kirilla i Mefodiia [The entry of Slavs into Christian culture: the activity of the first teachers of Cyril and Methodius] // Istoriiia kul'tur slavianskikh narodov: v 3 t. [History of cultures of Slavic peoples: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow, 2003, pp. 59–90.*

13. Vinogradov, V. V. *Osnovnye etapy istorii russkogo literaturnogo iazyka [Main stages of the history of the Russian literary language] // Izbrannye trudy. Istoriiia russkogo literaturnogo iazyka. Stat'ia pervaiia [Selected works. History of the Russian literary language. Article one]. Moscow, 1978, pp. 10–35.*

14. Gel'b, I. D. *Istoriiia pis'mennosti. Ot risunochnogo pis'ma k polnotsennomu alfavitu [History of writing. From pictorial writing to a full-fledged alphabet]*. Moscow, 2017. – 288 p.

15. Gorshkov, A. I. *Otechestvennye filologi o staroslavianskom i drevnerusskom literaturnom iazyke [Domestic philologists about old Slavonic and old Russian literary language] // Drevnerusskii literaturnyi iazyk v ego otnoshenii k staroslavianskomu [Old Russian literary language in its relation to old Slavonic]*. Moscow, 1987, pp. 7–30.

16. Zalizniak, A. A. *Iz zametok o liubitel'skoi lingvistike [From notes on Amateur linguistics]*. Moscow, 2009. – 240 p.

17. Ivanova, T. A. *Glagolitsa: novye gipotezy (neskol'ko kriticheskikh zamechanii po povodu novykh issledovaniu o pervoi slavianskoi azbuke) [Glagolitsa: new hypotheses (several critical comments on new research on the first Slavic alphabet)] // TODRL, 2004. Vol. LVI, pp. 78–93.*

18. Izotov, A. I. *Staroslavianskii i tserkovnye iazyki [Old Slavonic and Church languages]*. Moscow, 2007. – 232 p.

19. Izotov, A. I. *Staroslavianskii iazyk v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii : ucheb. posobie [Old Slavonic language in comparative historical coverage: textbook]*. Moscow, 2010. – 200 p.

20. Istrin, V. I. *Razvitie pis'ma [Development of writing]*. Moscow, 1961. – 396 p.

21. Kaipert, G. *Tserkovnoslavianskii iazyk: krug poniatii [Church Slavonic language: circle of concepts]* // *Slovhne*. 2017, No. 1, pp. 8–75.

22. Karpenko, L. B. *Sviashchennaia azbuka Kirilla [Sacred alphabet of Cyril]*. Samara, 2006. – 228 p.

23. Larin, B. A. *Lektsii po istorii russkogo literaturnogo iazyka (X-seredina XVIII v.). [Lectures on the history of the Russian literary language (X-mid-XVIII century)]*. Saint Petersburg, 2005. – 327 p.

24. *Povest' vremennykh let [The Tale of bygone years]*. SPb, 1996, 667 p.

25. Pushkin, A. S. *Sobranie sochinenii v piati tomakh [Collected works in five volumes]*. Vol. V. *Autobiograficheskaja proza. Otryvki. Aforizmy. Kritika. Publitsistka. Istoricheskie sochineniia [Autobiographical prose. Fragments. Aphorisms. Criticism. Publicist. Historical works]*. Saint Petersburg, 1994. – 802 p.

26. *Skazanie o nachale slavianskoi pis'mennosti [The Legend of the beginning of Slavic writing]*. Moscow, 1981. – 199 p.

27. *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries]*. Issue 11. Moscow, 1986. – 456 p.

28. *Staroslavianskii slovar' (po rukopisiam X–XI vekov): Okolo 10000 sl. [Old Church Slavonic dictionary (based on the manuscripts X–XI centuries): About 10,000 words]*. Moscow, 1994. – 842 p.

29. Takhiaos, Antonii-Emilii N. *Sviatye brat'ia Kirill i Mefodii, prosvetiteli slavian [Holy brothers Cyril and Methodius, enlighteners of the Slavs]*. Sergiev Posad, 2005. – 391 p.

30. *Tipy naddialektnykh form iazyka [Types of superdialect forms of language]*. Moscow, 1981. – 310 p.

31. Toporov, V. N. «Proglas» Konstantin Filosof kak obrazets staroslavianskoi poezii [*«Proglas» Konstantin the Philosopher as an example of old Slavonic poetry*] // *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Istoriia literaturnykh iazykov i pis'mennost'*. Moscow, 1979, pp. 26–46.

32. Trubachev, O. N. *V poiskakh edinstva: vzgliad filologa na problemu istokov Rusi* [*In search of unity: a view of the scholar with the problem of the origins of Russia*]. Moscow, 2005. – 286 p.

33. Trubetskoi, N. S. *Obshcheslavianskii element v russkoi kul'ture* // *Voprosy iazykoznaniiia*. 1990. No. 2, pp. 122–139.

34. Trubetskoi, N.S. *Obshcheslavianskii element v russkoi kul'ture* // *Voprosy iazykoznaniiia* [*Common Slavic element in Russian culture*]. – 1990. – No. 3, pp. 114–134.

35. Floria, B. N. *Slavianskaia pis'mennost' v Evrope rannego Srednevekov'ia* [*Slavic writing in Europe of the early Middle Ages*] // *Slavianskii al'manakh*. – 2014, pp. 14–24.

36. Floria B. N., Turilov A. A., Ivanov S. A. *Sud'by kirillo-mefodievskei traditsii posle Kirilla i Mefodiia* [*the Fate of the Cyril and Methodius tradition after Cyril and Methodius*]. Saint Petersburg, 2000. – 314 p.

37. Khaburgaeu, G. A. *Pervye stoletiiia slavianskoi pis'mennosti i kul'tury: Istoki drevnerusskoi knizhnosti* [*The First centuries of Slavic writing and culture: the Origins of old Russian books*]. Moscow, 1994. – 181 p.